

Петр ВЕЛЬЯМИНОВ¹

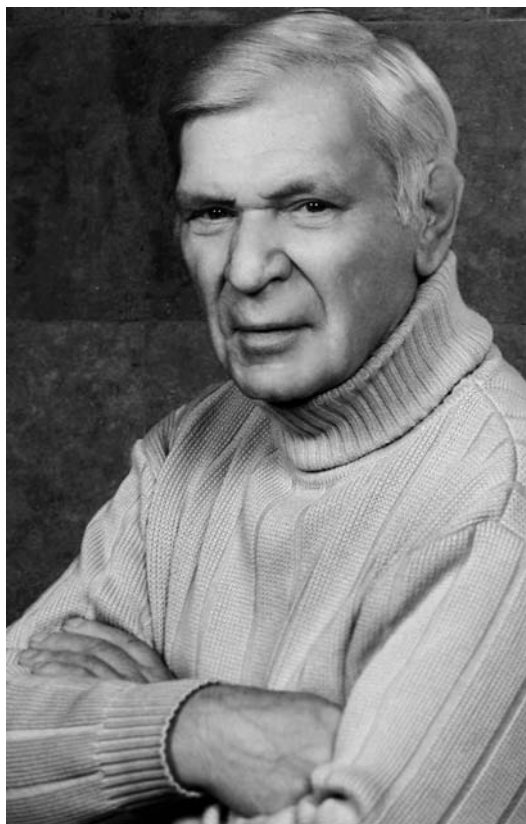
ЧЕЛОВЕК СО СТОРОНЫ

БЕСЕДА С МАРИНОЙ ЗАБОЛОНЕЙ

Из лагерей он вынес цингу, философию жизни и профессию актера.

В неординарности жизни Петра Сергеевича – оттиск времени, судьбы страны. Народный артист России, вице-президент Дворянского собрания Петербурга Вельяминов происходил из древнего рода, основателем которого был племянник норвежского короля Хокон II. В 1207 году Симеон Хокон, выгнанный после ссоры со своим дядей за непослушание, привел к Ярославу Мудрому пятьсот варягов. Это и считается основателем двух дворянских родов – Воронцовых и Вельяминовых. Среди них в разные времена – и последний тысяцкий Москвы Василий Вельяминов, и его сын, московский воевода. Во времена декабристов «неподкупный генерал» Вельяминов был губернатором Иркутска. В «Эрмитаже», в галерее героев войны 1812 года, висит портрет двоюродного деда Петра Сергеевича, Ивана Александровича Вельяминова, генерала, члена Военного совета при Александре I. Его брат, Алексей Вельяминов, служил начальником штаба у Ермолова, во время Крымской войны командовал Кавказской Черноморской оборонительной линией. В его честь императорским указом Туапсе переименовали в форт Вельяминовский. Другой предок Петра Сергеевича, Николай Александрович Вельяминов, – известный военный хирург, с 1909 по 1913 год возглавлял Военно-медицинскую академию, а в Первую мировую был назначен начальником санитарной службы русской армии.

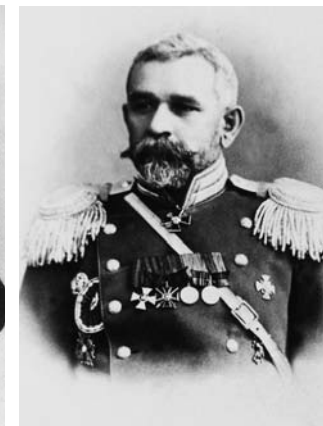
По традиции, все старшие сыновья в этом славном роду служили в гвардии. И отец артиста Вельяминова, Сергей Петрович, окончил Петербургский кадетский корпус, а затем Павловское училище. После революции бывший царский офицер служил в Красной Армии и дослужился до командира Первого батальона элитной Пролетарской дивизии. Первый раз по сфабрикованному обвинению его арестовали в 1939 году. В 1936-м освободили. В 1941 году Сергей Петрович, лишенный офицерского звания, пошел на

П. Вельяминов

¹ Вельяминов Петр Сергеевич (7 декабря 1926 года, Москва – 14 июня 2009 года, Санкт-Петербург) – актер театра и кино, народный артист РСФСР (1985), кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2003).

фронт простым солдатом, но через три года был вновь брошен в лагерь. Так Петр Сергеевич стал дважды «сыном врага народа». За непролетарское происхождение молодому свободолюбивому человеку пришлось дорого заплатить. В 1943 году арестовали и его, приговорив к десяти годам по статье «Соучастие в анти-советской организации “Возрождение России”». В лагере до Пет-

ра дошла весть об аресте матери. (Татьяна Ермиловна дважды прошла через пятилетние ссылки.) Он был так потрясен известием, что вскрыл себе вены... После освобождения в 1952 году Петру Сергеевичу было запрещено жить в крупных городах. Реабилитация пришла только в 1984-м. За 32 года жизни в провинции он – без актерского образования – стал крупным артистом театра и кино. Сыграв в 1971 году главную роль в телефильме «Тени исчезают в полдень», заставил выучить свою фамилию всю страну.

Он, создавший в кино устойчивый образ положительного героя-большевика, сам никогда не был ни комсомольцем, ни коммунистом. Потомственный дворянин, он обрел свободу в художественном пространстве театра и кино, не говоря о пространствах нашей неоглядной родины. В Москву он вернулся после реабилитации. Последние годы жизни обосновался в Питере. Работал в Театре Комедии, Приюте Комедианта, основал актерскую школу, открыл приют для бездомных животных.

Его «неформатность» ощущалась во всем. Когда в стране люди вдруг стали до блеска начищать свои натуральные (или купленные) гербы, Петр Сергеевич, предводитель дворянства, при случае уверенно повторял (видимо, следуя философии С. Булгакова), что наши предки – всегда рядом. «Они здесь, за нашими спинами», – загадочно шурясь, говорил он и показывал жестом, где они стоят, словно видел их воочию.

Его не стало год назад. Разговор наш состоялся лет двенадцать назад, а, кажется, будто вчера...

Один из прадедов, Андрей Александрович Вельяминов (1785–1838) – нач. штаба у генерала Ермолова, впоследствии командующий войсками на Кавказской линии и Черноморье

Дед, Петр Ерофеевич Вельяминов – командир осадной артиллерии в Порт-Артуре. Награжден Гергием IV степени, в последние годы жизни преподавал в Пажеском корпусе. Умер в звании генерал-майора в 1914 г. в Петербурге

Отец – Сергей Петрович Вельяминов в звании поручика Грузинского полка. 1916

– В начале 1970-х пришел на столичные сцены «человек со стороны». Первым его сыграл в одноименной пьесе Дворецкого в Ленинграде Леонид Дьячков. Вы-то, похоже, всегда были человеком со стороны в провинциальном театре?

– Я работал в театрах Абакана, Дзержинска, Новочеркаска, Иванова, Перми, Свердловска, всего – двенадцати городов. Сыграл около полутора сотен ролей. Когда же наконец вернулся домой, в Москву, и меня пригласила Галя Волчек в «Современник», меня совершенно не заботило, как будут относиться ко мне с такой биографией. Все складывалось удачно.

– Вы пришли в «Современник» уже после Ефремова?

– Да, он только-только ушел во МХАТ к старикам. Мой первый спектакль был «Восхождение на Фудзияму», это конец 1972 года. Театр – такое живое, такое переливающееся из одного сосуда в другой вещество, со своими интересами, своими симпатиями, столкновениями... Это прекрасно, что Галя Волчек до сих пор возглавляет этот театр и сохраняет таких замечательных артистов, но я хочу сказать о другом. Проследившая свой длинный путь, я понимаю, что накопилось много нелепостей. Когда я сидел в лагере, бредил домом: казалось, сбросили бы меня с завязанными глазами с парашютом в Москве, все равно нашел бы свой дом. Но вот я в Москве, в «Современнике», а все равно – пришлый, чужак. Несмотря на любовь ко мне Волчек и Табакова. Я казался «своим», но я не прошел с ними путь становления, который начинался со студенческой скамьи. Поэтому оставался чужим. И так

было везде. Вроде и для начальства, которое часто отождествляло меня с моими героями на экране, я был «своим»... Не поверите, но, когда началась перестройка, я по-прежнему ощущал, что меня придерживают за фалды. Постоянно чувствовал взгляд со стороны. С дистанцией в отношениях. Позже ситуация словно перевернулась, и вот уже некоторые, забывая собственную жизнь, стали говорить с упреком в голосе: «Вы хорошо играли коммунистов». И тогда я спрашиваю, а кого я должен был хорошо играть? Преступников?

Один из создателей телефильма «Тени исчезают в полдень» Валерий Усков рассказывал: «Мы с режиссером Владимиром Краснопольским увидели Вельяминова в Свердловском театре, в жуткой пьесе «Кандидат партии», состоящей из лозунгов и трескучих фраз. Вельяминов, играющий главную роль, сумел взволновать зал, и мы подумали, что, если дать этому актеру слова более человеческие, он сможет вызвать сочувствие и сопереживание. Особенно нам понравились его глаза».

– Жизнь перевернулась, черное и белое поменялись местами, а люди остались прежними. Бывшие комсомольские вожаки, партноменклатура мимикрировали, но связи остались старыми. Скажите, вы умеете прощать врагов?

– Есть ощущение, что в моей жизни врагов не было. И не потому, что не было людей, которые относились ко мне враждебно, которым я чем-то не нравился. А потому, что это – их свойство, а не мое. Значит, они в чем-то слабее. Даже если возникает принципиальное несогласие с друзьями, это никоим образом не влияет на мою любовь, расположенность к ним. Человек – создание божественное,

на мой взгляд, и мир сотворен как человеческий рай. Только мы сами, своей волей (и ничьей иной), своими действиями превращаем его в ад. Что меня спасло в жизни – это вера в благодарность за то, что Бог для меня делает. За то, что он сделал меня не таким, какой я есть, – в своих страстях пребывающий, а за то, что я живу, что много дано. Мне кажется, дано так много! Что я выжил в таких условиях, что имел таких родителей, такую сестру, такого брата. Что открыто мое сердце. Несмотря на то, что жизнь моя, казалось бы, противоречила всему и заставляла быть чрезвычайно осторожным, как раз осторожным я, пожалуй, никогда и не был. Не потому, что я такой храбрый, а так выработалось. А мстить, т.е. причинять человеку боль – негоже.

– Павел Флоренский, наш русский Леонардо да Винчи, многообразно гениальный в математике, философии, литературе и проч., был репрессирован в 1937 году и отправлен на Соловки. За него ходатайствовало чешское правительство, которое договорилось с нашей стороной о

его освобождении, предложив Флоренскому свое гражданство. Но он, несмотря на уговоры семьи, отказался от этого шанса выжить, сославшись на апостола Павла: надо быть довольным тем, что есть. В последнем письме к сыну он писал, что никакого гнева и злобы в нем нет: «Пусть радуется каждый, как может». Трудно смириться с выбором этого человека, не правда ли? Ведь такие люди даются нам

Родители – Татьяна Ермиловна и Сергей Петрович Вельяминовы

Отец Сергей Петрович и мать Татьяна Ермиловна с Петей и Ирой. 1927

Pro memoria

свыше. И нуждаются в них не только их семьи.

– А я думаю, он поступил мудро. Испил христианскую чашу до дна. И все равно влияние его витает в воздухе. Как бы ни отрицали это, сколько бы ни разрушали храмы... А я мальчишкой видел, как взрывали Храм Христа Спасителя. Мы проезжали мимо на трамвае, и я заметил, как у мамы текли по лицу слезы... И Флоренский, и Серафим Саровский – это те праведники, которые даны нам волей Божьей. Есть в этом высший промысел, а значит, все неслучайно. Если мир родился не из хаоса, то и Флоренский занимает именно такое место в мире, какое должен, свою нишу во времени. Мне-то кажется чудом, что он успел столько сделать, что мы его еще читаем и чтим. И, может быть, такие люди особенно нужны в ужасные моменты истории, в этом их мессианство?.. Моя мама сама отсидела десять лет, восемнадцать – ждала мужа, моего отца. Они очень любили друг друга, непередаваемо. Ее удивительная незлобивость, доброта, которую она излучала, всегда меня поражали. Ей было все равно, с кем она разговаривает. Она уважала человеческое достоинство собеседника. Я навещал ее в московской больнице, когда она умирала. Ей неправильно поставили диагноз. Она смотрела на меня своими детскими голубыми глазами и уже ничего не понимала, и вдруг в этот момент я понял значение слов: «Эти люди держат нас в жизни». И Флоренский, и Серафим Саровский, и им подобные своим явлением, и таким, казалось бы, аполитичным житием, своей личностью, своей верой противодействуют мировому злу. Когда я

встречаю людей, которые вольны не вступать в конфликт с властями вовсе не потому, что они чего-то боятся или не могут, я испытываю восхищение... Я меньше уважаю диссидентство, так как здесь неизбежны агрессивные формы протеста.

– А ведь говорят же, что добро должно быть с кулаками.

– И перестает быть добром.

– Достоевский на открытии памятника Пушкину в Москве произнес свои знаменитые слова: «Смирись, о гордый человек».

– Согласен. Неслучайная фраза. Однажды, когда я работал в Чебоксарском театре, услышал с улицы внезапный крик. Подойдя к окну, увидел, что на черном раскаленном асфальте лежит маленькая девочка лет пяти, в платьице. Ее сшибла машина. Даже сейчас при воспоминании об этом у меня разрывается сердце. Мне кажется, у Флоренского разрывалось сердце именно от этого: он видел чужое горе, и оно становилось его горем. Поэтому он ощущал себя сильным не физически – духовно. Потому что нес в себе Вселенную, целый мир. Ведь выбор-то он сделал самостоятельно, хотя я и понимаю, что это воля Божья. Однако думается, без личной позиции мало что может произойти. Человек участвует в игре. Прожить такую жизнь без навязывания идей, значит дать возможность независимо самому это осознать – без агитации и пропаганды. Ты это понимаешь? Становись на следующую ступень. В этом отличие от философии активистов. Я имею в виду здесь философию Достоевского, в том числе, потому что он тенденциозен, как художник. Потому что убедителен. Заразителен. А Флоренский – это

Люди, годы, жизнь

тот посох, на который можно опереться в любую минуту. Толстой где-то записал: нет преимущества одного человека над другим ни в чем. Есть только преимущество доброты. Это пронизывает весь мир, и в этом не может быть уничтожения.

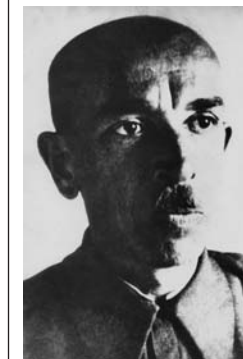
– Помните ли вы себя до пяти лет? Мудрые японцы в воспитании детей придерживаются мнения, что именно в эти годы детям надо разрешать все. А психологи считают, что именно в эти годы и формируется личность ребенка.

– Я жил очень счастливым мальчиком. Видимо, родился здоровым и веселым. Не могу передать, как любил своих родителей! Бесконечно. Отец был человеком вспыльчивым, а мама, наоборот, очень спокойной и мягкой. Она умела гасить отцовское раздражение, ссоры, недоумения, и в доме царил теплая сердечная атмосфера. Несмотря на все трудности, все беды, которые свалились на плечи моих родителей, я помню, каким счастливым был наш дом, когда все мы – мама, старшая сестра и я – были вместе. Помню, как мы с приятелем (его звали Филипп) трясли березу, ожидая, когда с нее посыплется яблоки. Мне тогда было четыре, арестовали отца. Над моей кроватью висели портреты отца и деда, висели отцовские часы. Я верил в мамы слова, что папа уехал на время, и ждал. По-настоящему осознал водораздел между семьей «врага народа» и семьей не потерпевших от власти, только когда пошел в школу. Отца отличали удивительная порядочность и педантичность, свойственные потомственному военному. Это был чистый человек, профессией которого было – служить за

веру, царя и отечество. Это было сильно в нем всю жизнь и чувствовалось даже после того, как он вернулся из лагеря. Мы встретились с ним через двадцать с лишним лет, после того, как я освободился, а его реабилитировали. Это было в Тюмени, на железнодорожном вокзале, и я, молодой актер без гроша в кармане, не мог дать ему денег! Позже, когда его реабилитировали и по второму делу, я спросил его: «Папа, хочешь почитать “Архипелаг Гулаг”»? Он ответил: «Нет, Петя, не хочу». Потому что знал больше. Потому что не выдержал бы. Он и сам много писал в лагере, но все отобрали.

– В земной жизни вы миновали многие круги, побывали почти во всех сословиях. Насколько было трудно приспособиться? Может быть, помогла особая душевная пластичность или свойственная вам легкость адаптации? Все равно ведь ассимиляции не произошло: все-таки дворянство – это группа крови.

– Конечно, я был чистым идеалистом. Что спасло меня там, кроме промысла Божия да молитв мамы? Я мог делать ошибки, но не причинил никому зла. Если играл в карты с уголовниками, в первые месяцы, по неопытности, проигрывал свой хлеб на неделю вперед. Но, поняв, что играю с шулером, просто прекращал играть, вот и весь отбор. Когда меня осудили на десять лет в мои шестнадцать, мне показалось, что жизнь кончилась, но надо было выживать, надо было и в этом обществе как-то существовать. В обществе со своими особыми законами поведения, морали. Кто-то умел и мог вынести все, не опускаясь за черту, на территорию гибели не

Отец Сергей Петрович Вельяминов, в Мариинских лагерях. 1950

<i>Pro memoria</i>	<i>ВМ</i>
<p>физической, а нравственной, когда от слабости начинал разлагаться мозг человека. Я много встречал таких людей. Но были и уникальные личности, наверное, они-то и спасли меня. Ведь даже когда меня в одном из лагерей активировали из-за дистрофии (я весил 47 кг), меня не выпустили: слишком серьезные статьи висели на мне, «За соучастие в антисоветской организации “Возрождение России”». Я лежал в центральном лазарете и наблюдал, как исчезают мои соседи. И всякий раз повторялось одно и то же. Приходила сестра с огромной бутылкой физиологического раствора, колола его в мышцу ноги, появлялся желвак, через день человека уносили. Физиологического раствора не хватало: это было крайним средством, независимо от заболевания. Наконец, пришел мой черед. Медсестра вколола мне в тощую ногу иглу. Я увидел, как раздувается желвак, и в голове мелькнула мысль – я умираю, через день-другой и меня вынесут из палаты. Слишком знакомая ситуация. Но странно: в этот момент (а я уже давно не мог ходить, не держась за стену), я почувствовал такой прилив жизненной энергии, духовной и физической, что вдруг поднялся и стал носиться, как безумный, по коридору. Даже подумал: наверное, надо бы сделать вид, что я сошел с ума. Может, так оно и было, может, нет. Я носился и кричал, что хочу в степь, что не могу здесь находиться. Меня поймали врачи, стали успокаивать. Одна женщина стала что-то расспрашивать, и я в полубредовом состоянии что-то ей отвечал. До сих пор помню все ярко и отчетливо, словно со стороны. Помню лицо врача. Помню, как зимой выбежал ночью и бросался на проволоку, в</p>	<p>снег, а часовые стреляли вверх... Меня находили только через несколько дней, живого-здорового. Помню, как с соседнего участка привезли мне ложку сахара, а я два дня отказывался от пищи, потому что просить казалось неудобно. Однажды ко мне пришла очень милая женщина, я что-то рисовал. Она тихо сказала: «Петя, ты выздоровел уже. Мы тебя не могли выпустить, потому что такие статьи. Мы отправим тебя в сельхозбригаду». Только через год, несмотря на то, что narosли уже какие-то мышцы, я научился без поддержки подниматься на порог. И все время учился. Всему. После «сельхоза» был кочегаром, турбинником, слесарем, даже младшим конструктором в одной конторе, которая строила Богословский алюминиевый комбинат. На установке турбин как-то обратил на меня внимание бывший московский извозчик, услышав, как я читаю в обеденный перерыв стихи Пушкина. Так началась моя театральная карьера – с художественной самодеятельности. Самое главное, что в ней было там, а потом уже перешло через проволоку, – на сцене я не зависел ни от кого, кроме Господа Бога. Полная свобода... Кому-то было легче, они получали посылки. Я не получал, потому что не от кого было. И все равно я влюблялся. Была в лагере и любовь. Совершенно невероятная... В промышленных зонах рядом с нами находились женские участки. Самое сильное потрясение было, когда я, работая уже в «Освобожденном джазе», в первый раз приехал в женский лагпункт с концертом. Потрясение случилось в столовой: я увидел, что женщины едят. Женщины! Чудесные неземные создания – и едят! Это меня тогда поразило. Я до сих пор помню это ощущение...</p>

<i>Люди, годы, жизнь</i>	<i>ВМ</i>
<p>После лазарета П.С. Вельяминова перевели в Краснотурьинск, где он работал на строительстве жилых домов и, по совету одного из заключенных, стал участвовать в самодеятельности. В Краснотурьинске существовал так называемый «Освобожденный джаз», где собрались профессора-музыканты из Эстонии, недоучившиеся студенты консерватории и любители. После одного из концертов, на котором Петр Вельяминов читал отрывок из «Евгения Онегина», к нему подошел Виктор Илиодорович Пржездецкий, руководитель оркестра, и попросил еще почитать стихи. В результате Вельяминов проработал в джазе 1948-й и 1949 год, даже «гастролировал» по лагерям Краснотурьинского района. Еще одной удачей тех лет стала роль Макферсона в спектакле по пьесе К. Симонова «Русский вопрос». Сценическое мастерство молодого актера своеобразно оценило руководство колонии — ему сократили срок на 163 дня. В конце 1950 года Петра Вельяминова отправили этапом на Куйбышевскую ГЭС. В 1952 году, 9 апреля, получив еще полгода зачетов (один день – за три), Вельяминов был освобожден. По действовавшему в те годы паспортному режиму, проживать в Москве он не имел права. По совету одного актера (еще в лагере) поехал в Абакан, чтобы поступить на работу в театр. Первое время пришлось работать на лесоповале, но при содействии начальника управления культуры Мухина он был принят в абаканский Театр русской драмы имени М.Ю. Лермонтова, несмотря на «негативные» биографические данные. Первой его ролью в профессиональном театре стал Кошкин в пьесе «Любовь Яровая».</p> <p>– Нет ли у вас ощущения, что мир стал как-то быстро и катастрофически мельчать, что технический прогресс, отдалив человека от природы, размагничивает его естественные инстинкты, становится просто опасен. Я оставляю в стороне виртуальное пространство. Хотя интернет тоже ведет к загрязнению жизненного пространства, а значит, к разрушению человеческой природы. Это как радиоактивность – невидимая, но страшная.</p> <p>– Ученые говорят, что у человека ДНК устроена, как спираль. В ней еще существуют «зоны молчания». Может быть, когда-нибудь они «заговорят» в связи с этим</p>	<p>новым? И потом есть уверенность, что жизнь появилась не из хаоса. Это-то и является вежливым признанием со стороны ученых Господа Бога. Думаю, мы стоим на пороге, который через какое-то время должны преодолеть. И то, что вы осуждаете, утверждая, что компьютер, ТВ – во вред человеку, может быть, преодолется? И люди научатся передавать потоки информации от сердца к сердцу. Все-таки рай был здесь, на этой земле. Когда я бываю на природе, ничего более желанного, более прекрасного не знаю и не испытываю. Я вижу это и понимаю, что человек может здесь жить. Особенно у нас в России – с ее бескрайними просторами – человек должен</p>

Pro memoria	Эм
<p>быть хозяином на своей земле. Все наши беды – от попрания личности. Как вы думаете, почему именно в Чернобыле случилась катастрофа?</p> <p>– «Падет Горькая Звезда Полынь» – сказано в Библии... «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде “полынь”; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки». Откровения Иоанна Богослова.</p> <p>– Библия – книга предсказаний. Когда я читаю ее, всегда поражаюсь. Читаю ли Ветхий Завет, Евангелие, когда молюсь или читаю про Апокалипсис. Ведь еще в Средневековье считали, что Апокалипсис уже наступил. Смотрите, сколько времени прошло. Чума бродила...</p> <p>– Что бы, интересно, подумал средневековый человек, глядя на нас, сегодняшних...</p> <p>– Конфуций сказал, что жить в эпоху перемен – великое счастье и несчастье. Когда переживаешь эти перемены, эти сдвиги истории на себе, невольно возникает внутри тебя протест. Но, если ты смотришь на это со стороны, ничего интереснее нет. У современного-то человека мировоззрения четкого вообще нет. Он такой путаный стал. Сам себя не всегда понимает. У Герберта Уэллса есть такой рассказ «Дверь в стене». О некоем молодом человеке, который однажды открыл таинственную дверь в стене и неожиданно оказался в райском уголке. С удивительными людьми, животными. Казалось, этот сад не имеет конца, и жизнь в нем прекрасна. Но герой понял, что пережил счастье,</p>	<p>только когда покинул его. Он долго потом искал эту дверь снова, но ее там уже не было. В сущности, каждый из нас считает, что однажды видел эту дверь и мог ее открыть...</p> <p>– ...а, может быть, даже открыл и вошел в этот сад, но не понял? Вошел, но зачем-то вышел.</p> <p>– Это еще трагичнее.</p> <p>– Однажды, оказавшись попутчицей Евгения Лебедева в поезде, я много говорила с ним о театре и, в том числе, о конкретном театре его молодости тбилиском ТЮЗе. Он называл его по старинке «тифлисским». Заговорили о судьбе провинциального актера вообще, о том, как талантливые провинциальные артисты часто остаются в неизвестности, хотя ничем не уступили бы в таланте столичным звездам. Евгений Алексеевич вспомнил свое первое знакомство с ленинградским ТЮзом и постигшее его разочарование от него по сравнению с тбилиским. Вы много встречали талантливых артистов на периферии?</p> <p>– Это правда, на протяжении своей провинциальной жизни в профессии, я, действительно, встречал прекрасных артистов, чья судьба в театре складывалась удачно. Работая на Куйбышевской ГРЭС, встретил замечательного артиста Анатолия Смиранина², который служил в том самом театре, о котором говорил Лебедев. Была такая актриса Каширская³, например. Лева Раскатов⁴ был потрясающим артистом! В фильме «Иванов катер» он сыграл моего отца. Я соблазнил его для Марка Осипьяна⁵, но он оказался некинематографическим артистом – камеры боялся. Но артист был гениальный! Потрясающе играл царя Федора.</p> <p>² Анатолий Дмитриевич Смиранин (1892–1971) – российский советский актер и режиссер, народный артист Грузинской ССР. Известен широкой публике по легендарному фильму «Человек-амфибия», где сыграл отца Гуттиэре – А. Вертинской. Своими учителями считал Н. Соболевцова-Самарина, Б. Глаголина, И. Слонова. Снимался с И. Мозжухиным, дружил с В. Катаевым, В. Папазяном, А. Довженко, играл в театре с братьями Адельгейм, с А. Южиным. Работал в театрах Сухуми, Батуми, Краснодара, Ростова-на-Дону, Саратова. Получал приглашения от А. Таирова, Вс. Мейерхольда, Е. Любимова-Ланского, Ю. Завладского. С 1936 года осел в Тбилиси, в Русском театре им. А.С. Грибоедова (тут П. Вельяминов ошибся). Играл в спектаклях начинающего Г. Товстоногова, участвовал в дипломном спектакле Р. Стуриа.</p> <p>³ Видимо, речь идет о Марии Ефимовне Каширской (1913), народной артистке Чувашской ССР.</p> <p>⁴ Лев Викторович Раскатов (1927–1993) – советский актер, народный артист СССР. Родился в Иваново и всю жизнь с 1943 года проработал в Ивановском БДТ.</p> <p>⁵ Марк Данилович Осипьян – оператор и кинорежиссер (род. в 1937 году в Магадане). Снял фильм «Три дня Виктора Чернышева» (1968), один из операторов фильма «Женщины» (1966).</p>

Люди, годы, жизнь	Эм
<p>Работал в Иваново, и театр был его, там он получил звание, там и остался. Просто боялся уезжать на новое место. Вообще многое зависит от человеческой природы, ее слабостей, ее несовершенств. От быта. Когда приходит признание, не всякий рискнет уехать и начать жизнь с нуля. И потом особенности репертуарного театра известны всем. Наш театр отличался от антрепризы прошлого века. Я и сам испытал силу провинциального театра и в Свердловске, и в Перми, и в Новочеркасске, и в Дзержинске. Всякий раз на новой сцене надо было доказывать собственную состоятельность, что ты есть ты. Это система жестокая. На новом месте неизбежно отторжение, как при пересадке чужого органа. Но я привык к этому.</p> <p>– Вы-то столько странствовали по свету и не боялись...</p> <p>– Наверное, это происходило потому, что там, в провинции, не было ощущения дома. Мой дом был в Москве. И я понимал, что в любом другом месте я временно. В этом был уверен и не вживался глубоко в систему жизни чужого города. Несмотря на то, что мои портреты висели на стендах лучших людей региона. Несмотря на то, что я занимал почти с самого начала первое положение в театре, как молодой социальный герой, как характерный артист. Если можно так выразиться, моя карьера в театре шла успешно, играл я много, но никогда не участвовал в конфликтах. По неприципиальным для меня вопросам портить отношения с директором или режиссером было не в моих правилах. А когда что-то не нравилось серьезно, я подавал заявление и уезжал. В другой город, другой театр. Без</p>	<p>денег, но без боязни. Почти всегда театр меня принимал. В провинции я встречался и со столичными артистами. Играл с М. Астанговым, с Г. Абрикосовым, с В. Самойловым. С Блинниковым Сергеем Капитоновичем⁶ и его женой, Анной Федоровной Коломийцевой⁷, я играл в «Мещанах»⁸. Часто они заводили разговор о моем возвращении в Москву, хотели помочь. Но тогда обстоятельства не позволяли вернуться.</p> <p>– Лагерь – это коммуна?</p> <p>– Это мир. Замкнутый, но разнообразный. И в него пришлось вступить, учитывая иерархию отношений между людьми. Кстати, создавалась эта «вертикаль» не сверху, не начальством или надсмотрщиками. Это сугубо внутренняя жизнь, на которую как раз начальники влиять не могли. Они делали все для того, чтобы знать, что там, внутри, происходит, иметь свой доступ к внутренней информации, знать, кто есть кто, о чем говорят, почему так спят, почему во сне скрипят зубами. Они это знали, но и только. В среде заключенных происходил какой-то отсев. Если содружество возникало, то очень крупное. По неписаным законам человек неизбежно брал на себя какие-то определенные обязанности, принимая их, попадал в определенный круг. Там были высокообразованные люди, которые держались друг друга, помогали друг другу. Но, возвращаясь к мысли об интеллигенции, вынужден признать, что при всех попытках к объединению, в лагере интеллигенция постоянно находилась в состоянии брожения, неустойчивости. Много мелочей ее разъедало, разъединяло.</p> <p>⁶ Сергей Капитонович Блинников (1901–1969) – российский советский актер театра и кино, режиссер, педагог, народный артист СССР, служил во МХАТе.</p> <p>⁷ Анна Федоровна Коломийцева (1898–1976) – российская советская актриса театра и кино.</p> <p>⁸ «Мещан» С.К. Блинников ставил во МХАТе и даже экранизировал спектакль. В советские времена еще сохранилась традиция, когда столичные актеры приезжали в провинцию, как гастролеры, и играли с местными актерами в спектаклях местного театра.</p>

– *Творческая личность – это все равно каждый сам по себе.*

– Творческая личность вообще изначально одинока, потому что творческая, по факту своего существования. Все-таки это малый замкнутый круг, куда допускали не каждого. Да и то – допускали ли? У каждого ведь свой путь к Богу. «Спаси себя сам, и вокруг тебя спасутся тысячи», – говорил апостол Павел. Как-то я читал записки помещика Мотовилова, который провел рядом с Серафимом Саровским некоторое время. Однажды в эту обитель приехал иеромонах из Петербурга, вызвал отца Серафима, тот пал перед ним на колени, а его Святейшество стал укорять его за вольнодумие и за то, что тот был замечен с сестрами монастыря. Долго он так говорил,

пока его вдруг не осенило: вот стоит пред ним на коленях покорно старец, понял, что перед ним святой человек, существующий уже в другом измерении. Встал и ушел.

– *Солженицын писал, что наш народ был слишком покорен в советские времена, и именно это привело к террору. Людей среди бела дня забирали на улицах в «воронки», и они не сопротивлялись, не кричали, не вырывались. А надо было бы кричать, чтобы слышали.*

– Меня тоже арестовали на улице. Вернее, на Манежной площади. За мной следили, и я знал, что следят. Я даже играл в эту игру. Мне это было даже интересно в мои неполные 16 лет. Шел 1943 год, я знал, что пойду на фронт, учился на курсах по подготовке в Архитектурный институт, но знал, что пойду в Военно-морское

Улдис.
«Вей, ветерок».
Театр русской драмы.
Абакан, 1952

Сцена из спектакля
«Хребты Саянские».
Театр русской драмы.
Абакан, 1953

Полковник Малинин.
«Любовь Яровая».
Театр русской драмы.
Абакан, 1952

Неизвестный.
«Маскарад».
Областной драматический театр. Тюмень, 1955

Марк Туйск.
«Блудный сын».
Областной драматический театр. Тюмень, 1958

Сцена из спектакля
«В добрый час».
Областной драматический театр. Тюмень, 1959

училище имени М. Фрунзе. У меня была ясная прямая дорога, и сомнений никаких не было. Ну, привезут меня на Лубянку, ну и что? Машина подошла: «Садитесь». Я говорю: «С удовольствием». Приехали на Лубянку. Там сидят шесть человек в штатском, начинают со мной говорить обо всем, что происходит. Я им сразу сказал о справедливости, напомнил о презумпции невиновности: «Для вас лучше обвинить сто невиновных для того, чтобы не упустить одного виновного». Мне сказали: «Ах, вы из молодых да ранних...». И все.

– *Колесо закрутилось? Возвращаясь к Солженицыну... Это опять же к вопросу о покорности и терпению.*

– У него своя точка зрения. И он имеет на нее право. Мне кажется,

один из самых страшных грехов – страх. Если люди не кричали, значит, чего-то боялись. Боялись всего. Наверное, крепостное право отменили у нас не так уж давно. Оно сыграло свою историческую роль. Если помните, у Лескова есть рассказ «Однодум» – о праведнике, цельной человеческой личности, человеке неграмотном, но с врожденным чувством собственного достоинства, без страха, потому что он не знает, что такое страх, как не знает его ребенок. Мне повезло, что я в своей жизни встречал таких людей. Не очень грамотных. Но здесь образование не всегда помогает. В какой-то степени оно нивелирует личность. Дает возможность посредственному человеку приблизиться к тому кругу, в котором он существует еще не совсем

Валерий.
«Проводы белых ночей». Драматический театр. Дзержинск

Сцена из спектакля
«Мария Стюарт».
Драматический театр.
Дзержинск

Ричард.
«Ученик дьявола».
Драматический театр.
Дзержинск, 1959

Лауренсио. «Дурочка».
Республиканский театр.
Чебоксары, 1963

Сергей.
«Традиционный сбор».
Драматический театр.
Пермь, 1967

Свердлов.
«Большевики».
Драматический театр.
Свердловск, 1960

Pro memoria

законно. Когда я снимался под Архангельском и побывал в Малых Карелах, где находится музей русского зодчества, удивился, как мудро строили поморы свои дома, жильё. Тогда-то я узнал, что там, на севере, крепостного права не было, и отец Ломоносова преспокойно ходил себе пешком в Данию. В связи с этим вспоминается одна статья в газете, небольшая заметка штурмана полярной авиации. Пролетая над льдами Арктики, он совершенно неожиданно увидел две фигуры, которые тащили сани. Летчики сели, залегли в торосы и направили на подозрительных людей оружие. Как они попали сюда, если до ближайшего поселения было километров 400? Оказалось, отец и сын, плотники, поссорились с начальником и ушли! Стужа. Снег. Льды. А эти люди пошли домой. Вот оно – ощущение внутренней свободы, свободы в душе.

– В последние годы у нас появилось такое понятие, как «чеченский синдром». Кавказ стал как пороховая бочка. И после каждого взрыва думаешь в сердцах, вот бы построить новую китайскую стену, и наступит мир.

– С Чечней у моих предков отношения странные. Один воевал там, был командующим, начальником Кавказского Черноморского штаба, второй служил по гражданской линии там же. Третий был поручиком. Дед мой прослужил на Кавказе 34 года, поставил в селе Никольское церковь. России свойственно имперское мышление, которое свойственно каждой сверхдержаве. Сейчас это и стало проявляться. Старинные ошибки мы хотим устранить немедленно, стараясь вместить все в тот отрезок времени, в который

живем. А нужно еще тысячу лет для того, чтобы это пришло к общему знаменателю. Китайцы со своей многотысячелетней историей ко времени относятся естественнее, понимая, что человек не успевает что-то совершить сейчас или завтра начать жить по-новому. Такое бывает, возможно, только в семье. На Востоке сохранились древние традиции рода, в Европе они проявляются слабее. Как-то я был в Чечне по приглашению правительства Чеченской республики в 1982 году по случаю выдвижения нашего фильма⁹ на Ленинскую премию. Я был восхищен, наблюдая во время приема, как дети почтительно относились к родителям. Там отношения между отцом и детьми на высоте. Ощущалось сильное влияние традиций... С другой стороны, там же я почувствовал, как часто несправедливо поворачивалась к этому народу история, вспомнил, как в лагере, когда уже работал в самодеятельности, мы выступали на чеченском участке. Чеченцев не то что боялись, но сторонились, как и они нас. Они плохо и далеко не все знали русский язык, и, когда мы играли какой-то отрывок, стояла мертвая тишина, полное молчание. Они сидели, внимательно слушали, но контакта не возникало. Это был, наверное, год 1951-й, и наверняка начальство понимало, что туда лучше не соваться. Только охранять и не выпускать. Но их было так много. Разве могут они такое забыть? Конечно, то, что было с их предками, им не забыть.

– Слишком много парадоксов в вашей жизни. Кодекс чести дворянина и – актерская профессия. Большевик на экране, а в жизни не то что партийного, комсомольского билета у вас не было.

⁹ Скорее всего, речь идет о телефильме «Вечный зов» В. Ускова и В. Краснопольского.

Люди, годы, жизнь

О. Антонова и П. Вельяминов. «Мужчины в ее жизни». Театр Комедии. Санкт-Петербург, 1996

О. Антонова и П. Вельяминов. «Старомодная комедия». Приют Комедианта. Санкт-Петербург, 1997

– Но в моей жизни ничего случайного не было. Случайными были только мои страсти, заблуждения или поступки, которые противоречили моему предопределению. В них я не то чтобы раскаиваюсь, я за них заплатил сам собою. Еще в детстве меня не покидала уверенность в том, что я так тоже могу, стоит только научиться. Когда я уже освободился, работал в Абаканском театре и позже – в Тюменском, я мог часами бродить по тайге. Это были сложные места не только для городского жителя,

вроде меня, но я ничего не боялся. Ходил, естественно, без компаса, ночевал в тайге. Даже в мыслях не было, что могу заблудиться. Я подходил к деревьям, разговаривал с ними. Все это шло из детства, когда я учился плавать на Онежском озере, в Медвежьегорске, куда мы приехали в 1936 году к отцу. Там я научился бегать по бревнам, которые сплавляли по реке, и это тоже мне пригодилось в жизни, уже в лагере... Быть самим собой – самое трудное в жизни. Не казаться, а быть. Но это и есть свобода.